

После почти двух недель покоя здоровье дедушки Линя наконец пошло на поправку.

Линь Юй настаивал, чтобы старик продолжал беречь силы, но тот и слышать об этом не хотел, решительно потребовав возобновить приготовления к свадьбе с Шэнь Цзинцином.

— Здоровье у меня отменное! Вот бы поскорее спихнуть тебя, неотёсанного молчуна, в чужой дом, — проворчал дедушка Линь, с силой хлопая морщинистой ладонью по плечу внука.

Шэнь Цзинцину показалось, что старик шутит весьма остроумно, а вид Линь Юя, который смиренно стоит рядом и принимает этот разнос, вызывал ещё большую усмешку.

— Дедушка, сегодня на улице чудесная погода, тепло и ветерок ласковый. Может, прогуляемся немного? — с улыбкой вмешался Шэнь Цзинцин, спеша выручить возлюбленного.

Дедушка Линь замер, прекратив свои «побой», и, фыркнув в сторону внука, пробурчал:

— Повезло тебе, парень, есть кому о тебе позаботиться.

Опасаясь, что старик может выдать ещё что-нибудь лишнее, Линь Юй поспешил перевести тему:

— Перестаньте надо мной подшучивать, лучше идите погреться на солнышке.

Ишь ты, какой мастер уговаривать нашёлся.

Дедушка Линь ткнул пальцем ему в нос:

— Всё равно бестолковый. Ничего не смеешь сказать, как же ты собираешься жену заполучить?

Настоящий деревянный пень! Такую простую истину даже такой одинокий старик, как я, давно усвоил!

— Иду я греться на солнце, и какое тебе до этого дело? Хмпф!

По мере того как дедушка Линь шёл на поправку, Шэнь Цзиньхуа, едва старик пришёл в себя, вернулся к преподаванию в книжной школе, где он не мог отсутствовать слишком долго. А вот Шэнь Цзинцин, который все эти полмесяца безотлучно ухаживал за больным, постепенно сумел найти с ним общий язык и даже сдружиться.

И Линь Юй, и Шэнь Цзиньхуа питали к старику глубокое уважение. Тот же, подобно

капризному ребёнку в старческом теле, любил поворчать на них или по-доброму поворчать, выставя свои мелкие требования. Но к Шэнь Цзинцину он проникся искренней, подлинной нежностью, какой обычно одаривают любимых младших родственников.

Стоило Линь Юю заикнуться о прогулке, как старик тут же отворачивался с недовольной миной. Но когда Шэнь Цзинцин мягко предлагал выглянуть на погоду и поддерживал его под руку, тот покорно шёл следом.

Разумеется, их свадьбу стоило сыграть как можно скорее.

Линь Юй испытывал смешанные чувства: сердце сжималось от тревоги, но вместе с тем билось в предвкушении. Шэнь Цзинцин же внешне сохранял спокойствие, однако, здраво рассудив, что после свадьбы будет проще заняться открытием ресторанного дела, да и старший брат сможет со спокойной душой готовиться к осенним экзаменам на степень сюэца в следующем году, он и сам был не против ускорить события.

Поэтому, едва прошло несколько дней с тех пор, как старик поднял эту тему, Шэнь Цзинцин и Линь Юй, посоветовавшись, решили выбрать ближайший благоприятный день и покончить с этим делом как можно скорее.

И вот желанный день настал.

В деревне праздничные торжества принято справлять скромно, поэтому и свадебный пир Шэнь Цзинцина с Линь Юем вышел без лишней пышности. Пригласили лишь соседей да близких родственников и старейшин с обеих сторон. В общей сложности набралось не более десяти столов.

И хотя гостей было немного и размах не поражал воображение, угощение на столах оказалось поистине ослепительным. Тут были и курятина, и утятина, и рыба, и мясо. На каждом столе красовалась огромная миска со свиной, а рядом стояла большая чаша с тушёными свиными потрохами. Куда ни глянь — сплошное мясо.

Боже правый, даже зажиточные семьи в городке редко позволяют себе такую роскошь!

Свиные потроха Шэнь Цзинцин приготовил в рассоле собственноручно, начав за несколько дней до торжества. Остальные же блюда готовили повар, которого Шэнь Цзиньхуа специально выписал из городка, да несколько искусных в кулинарии соседок-тётушек. Вкус получился неописуемый: ни один из гостей не мог оторваться от еды и отложить палочки.

Шэнь Цзинцин также разослал приглашения управляющему Фу из трактира «Фулайлоу» и управляющему Лю из аптеки «Лю Чунь Тан». Однако из-за недавнего инцидента с дедушкой

Линем у управляющего Лю возникли серьёзные сомнения. В его глазах между сторонами оставался некоторый осадок. Шэнь Цзинцин проявил безупречную вежливость и великодушие, отправив приглашение, но управляющий Лю счёл неприличным являться на чужой свадебный пир и вносить разлад. Поэтому, приняв свадебное приглашение, он в этот день так и не появился.

Управляющий Фу, напротив, явился. Будучи главным управляющим крупного трактира, он сейчас сидел за столом Шэнь Цзинцина и Линь Юя и ел, не поднимая головы. Стоило кому-нибудь позвать его выпить и поболтать, как он поглаживал свой округлившийся живот и одаривал собеседника лучезарной улыбкой с лица, покрытого жирным блеском, излучая абсолютное дружелюбие.

Пришла и та супружеская чета, державшая лапшичную лавку в городке. Линь Юй, продавая добычу на городском рынке, часто заходил к ним перекусить. Сам он был человеком немногословным, поэтому с этой парой считался лишь полужнакомым, но поскольку родственников и близких друзей у него и дедушки Линя было немного, он и впрямь решился пригласить их на торжество.

Хозяйка привыкла видеть среди зятьёв, перешедших в дом жены, лишь худощавых, похожих на тростник на ветру, милостивых бедных учёных мужей. Лишь оказавшись здесь, она с удивлением осознала, что оказывается, такой широкоплечий мужчина с густыми бровями и большими глазами, как Линь Юй, тоже может стать зятем в чужом доме.

Кто бы мог подумать, что у него есть подобный талант?

Примерно так же думали и остальные гости, особенно родственники со стороны дедушки Линя, чьё изумление не знало границ: этот детина ростом с быка, который одним своим видом мог бы заменить дверных богов-хранителей, оказался тем, кто живёт за счёт жены!

Впрочем, дедушка Линь и Шэнь Цзиньхуа пригласили людей добрых и знающих толк в приличиях. В такой счастливый день, как бы ни чесался у них язык, никто из гостей не стал бы злословить и портить настроение хозяевам.

Да и угощение на столах оказалось столь отменным, что любые сомнения мгновенно испарились.

Надо будет после трапезы попросить большую пиалу и захватить порцию домой, чтобы эти маленькие разбойники, что остались дома, тоже смогли отведать такого лакомства!

В целом, торжество выдалось на редкость радостным и оживлённым. Во дворе звонко трещали петарды, устилая землю ковром из красных бумажных клочьев, а за столами звенели детские голоса, с упоением чавкающие хрустящей рыбкой, приготовленной так, что кости таяли во рту.

Приняв традиционную чайную церемонию от Шэнь Цзинцина и Линь Юя во внутреннем зале,

дедушка Линь и Шэнь Цзиньхуа заняли места за главным столом в компании дядюшки Линя, дядюшки Чжана и госпожи Шэнь. По обычаю, молодожёнам надлежало в первую очередь поднести вино старейшинам, восседавшим на почётных местах.

Старший Лю, считавшийся младшим по возрасту, сидел за отдельным столом вместе со своим младшим братом Мяо-гэром (сыном Лю), Мяо-гэром (внуком старосты) и Ван Цином. Сегодня, в день свадьбы Шэнь Цзинцина и Линь Юя, его надежды рухнули окончательно. Не смея расплакаться прямо при всех в такой счастливый день, он глотал слёзы в тишине своего сердца. Глаза его покраснели от сдерживаемых рыданий, и он мог лишь безостановочно утыкаться лицом в тарелку, делая вид, что с упоением ест.

Видя, с каким усердием тот уплетает угощение, Шэнь Цзинцин по наивности решил, что парень наконец-то успокоился и всё для себя решил.

Что было действительно странно, так это то, что и староста деревни перебрался за стол к молодёжи. Формально это нарушало этикет, но после недавнего инцидента ему попросту не хватало совести воссесть на почётном месте главного стола и принимать почести. Потому он и присоединился своему маленькому внуку. В конце концов, радость от общения с внуками была вполне уважительной причиной.

Дедушка Линь и Шэнь Цзиньхуа в общих чертах догадывались о причинах такого поведения старосты, поэтому, заметив это, предпочли не задавать лишних вопросов.

Поскольку почтенные старейшины взяли на себя роль главных хозяев за столом, Шэнь Цзинцину и Линь Юю оставалось лишь символически поднести им вино, а затем обойти остальные столы, чтобы угостить дядюшек и тётушек. Уже собираясь покинуть главный стол, Шэнь Цзинцин поймал на себе многозначительный, полный намёков взгляд дядюшки Линя.

— Э? Дядюшка, что-то не так? — Шэнь Цзинцин никак не мог расшифровать смысл этого красноречивого, блуждающего взгляда.

На обычно добродушном лице дядюшки Линя вдруг проступило выражение досады, словно он в отчаянии от чьей-то непонятливости:

— Эх, дитя моё, пора бы тебе повзрослеть. Помнишь, о чём дядюшка говорил с тобой в тот раз?

В памяти Шэнь Цзинцина всплыли те туманные, словно покрытые дымкой, слова, которые дядюшка Линь бормотал в день своего пьяного возвращения. Что-то про... свадьбу... про какой-то жар... Хм, вряд ли это было что-то особо пристойное.

С какой стати дядюшка Линь заговаривает с ним об этом? Да ещё и настойчиво напоминает?

Шэнь Цзинцин, чувствуя себя одновременно сбитым с толку и почему-то виноватым, кивнул:

— Угу... помню. — Наверное?

Дядюшка Линь хитро ухмыльнулся, бросив взгляд на Линь Юя, который не сводил глаз с Шэнь Цзинцина и у которого от этого зрелища пунцово покраснело одно ухо. Он по-отечески похлопал Шэнь Цзинцина по предплечью:

— Иди, иди.

Согласно обычаю, после церемонии подношения вина Шэнь Цзинцин мог удалиться в брачные покои, тогда как Линь Юй, как зять, перешедший в дом жены, должен был остаться снаружи и продолжать угощать гостей вином.

Однако, учитывая, что Линь Юй был зятем, пришедшим в дом, а среди присутствующих не нашлось бы людей, склонных злонамеренно испытывать чужое терпение, его отпустили довольно быстро, едва он сделал несколько глотков.

Свадебная церемония состоялась в сумерках. К этому часу небо снаружи уже начало темнеть, окрашиваясь в багровые тона заката, а внутри комнаты давно зажгли свечи. В мерцающем свете пламени лицо Линь Юя, отражённое в красном свадебном пологе, казалось пунцовым до кончиков ушей.

Это была комната Шэнь Цзинцина.

Шэнь Цзинцин, скучавший в одиночестве в ожидании, даже слегка удивился, увидев, что Линь Юй вернулся так быстро.

Их взгляды на мгновение встретились и тут же скользнули в стороны.

Смущённо отведённый взгляд Линь Юя случайно упал на кровать, где сидел Шэнь Цзинцин, и его лицо вспыхнуло ещё ярче. Кровать была щедро усыпана арахисом и лонганом в знак пожелания скорейшего рождения детей.

Из-за обилия праздничного красного декора в комнате Шэнь Цзинцин не сразу заметил его странное состояние, но и сам отчётливо ощутил эту явно неловкую и напряжённую атмосферу.

В конце концов, любые два человека, ещё не связанные глубокой любовью, оказавшись в комнате, где каждая деталь кричит о необходимости супружеской близости, неизбежно почувствуют себя не в своей тарелке.

Брачные покои были убраны с торжественной пышностью и романтической сладостью, вот только Шэнь Цзинцину и Линь Юю от этого было только хуже: они застыли, словно две неуклюжие марионетки, совершенно не понимая, как им себя вести.

Шэнь Цзинцин и впрямь растерялся. Неловко кашлянув, он произнёс:

— Может, не будем пить ритуальное брачное вино? Ведь мы не по-настоящему...

— Нет, нужно пить! — с неожиданной горячностью выдохнул Линь Юй.

— О... тогда будем пить? — Шэнь Цзинцин не понимал, что так взволновало его спутника. Хотя причина казалась натянутой, он решил списать это на древние ритуальные традиции.

Но что-то здесь... было странно...

Сохраняя внешнее спокойствие, Шэнь Цзинцин разлил вино из кувшина с хуадиао в две чарки. Они одновременно подняли эти красные кубки, и в тот самый миг, когда с высокой красной свечи скатилась капля горячего воска, они переплели руки, словно лебединые шеи, и сделали глоток.

В момент обмена чарками лицо, уши и вся шея Линь Юя мгновенно вспыхнули багрянцем.

Что-то не так. Очень не так. С этим Линь Юем творится что-то неладное!

— Линь Юй, ты не...? — протянул Шэнь Цзинцин, с подозрением всматриваясь в его лицо.

— Я не! У меня нет... нет... — пробормотал Линь Юй, охваченный жгучим стыдом человека, чьи сокровенные мысли были внезапно разоблачены.

Шэнь Цзинцин внезапно повысил голос:

— Есть! Я тебе нравлюсь, не так ли?

Линь Юй хотел было выкрутиться, но, встретившись взглядом с его серьёзными, влажными от напряжения глазами, мгновенно утратил дар речи. Крепко зажмурившись и собрав всю волю в кулак, он выпалил:

— Да! Моё сердце принадлежит тебе.

— Вот как! Вот как! Ты, детина ростом с быка, с густыми бровями и большими глазами! Как ты мог... как ты мог затаить подобные помыслы... — в полном смятении Шэнь Цзинцин начал нервно расхаживать вокруг стола.

Что это вообще такое? Получается, он обманул уже второе юное сердце? Но ведь это он сам обратился к Линь Юю, а тот лишь из добрых побуждений вызвался ему помочь...

Шэнь Цзинцин с силой потер переносицу:

— И когда это началось? Что именно тебе во мне понравилось?

Шэнь Цзинцин искренне не мог этого понять.

Линь Юй пробормотал что-то невнятное:

— Ты... нравишься...

Шэнь Цзинцин стукнул ладонью по столу:

— Громче! Такой детина, словно бык, а сейчас бормочет, словно комар?

Линь Юй, стиснув зубы и собрав всю решимость, выпалил:

— Я полюбил тебя ещё тогда, когда ты прикидывался маленьким глупцом!

Шэнь Цзинцин в гневе вскричал:

— Вон из комнаты!

Этот извращенец!

Линь Юй был вынужден ретироваться из комнаты и прямо у порога столкнулся с дедушкой Линем. Тот делал вид, будто направляется отлучиться по нужде, хотя на самом деле с самого начала притаился здесь, чтобы подслушивать у стены.

Дедушка Линь сделал вид, что созерцает кончик своего носа, затем перевёл взгляд вглубь себя, и наконец бросил внуку свою коронную фразу:

— Бестолковый. Я же говорил, что ты бестолковый, а ты мне не верил.